

РОЗДІЛ 2 РОСІЙСЬКА МОВА

УДК 811.161.1:81'4:801.8

ХРОНОТОП ВОЙНЫ В РУССКОЙ ПАРЕМИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА THE CHRONOTOPE OF WAR IN RUSSIAN PROVERBIAL WORLD-IMAGE

Гилюн О.В.,

*orcid.org/0000-0002-8925-1644**аспирант кафедры русской филологии**Института филологии**Киевского национального университета имени Тараса Шевченко*

Статья посвящена анализу пространственно-временной структуры концепта «Война» в паремической картине мира русского этноса. На материале русских пословиц и поговорок о войне исследованы особенности военного хронотопа. Последний определяется как сохраненное в народном сознании, отмеченное этнокультурной спецификой особое представление о пространственно-временном измерении войны. В работе составлен перечень качественных параметров темпорали военного времени, раскрыта образная специфика концепта «Поле» как типологического локатива военных сражений, определено место образов *врага* и *воина* в кругу бинарных оппозиций «свй-чужой», «верх-низ». Установлено, что в отличие от профанного, мифопоэтический хронотоп обладает свойствами пространственных и временных искажений, характеризуется замкнутостью и бесконечностью, множественностью воплощений, в структурном плане организован системой бинарных оппозиций.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, языковая картина мира, паремическая картина мира, концепт «Война», хронотоп, бинарные оппозиции.

Стаття присвячена аналізу просторово-часової структури концепту «Війна» в паремійній картині світу російського етносу. На матеріалі російських прислів'їв і приказок про війну досліджені особливості мілітарного хронотопу. Останній визначається як відбите в народній свідомості, відмічене етнокультурною специфікою особливе уявлення про просторово-часовий план війни. У роботі представлено перелік якісних параметрів темпоралі воєнного часу, розкрито образна специфіка концепту «Поле» як типового локатива бойових дій, визначено місце образів *ворога* і *воїна* в колі бинарних опозицій «свй-чужий», «верх-низ». Встановлено, що на відміну від профанного, мифопоетичний хронотоп володіє властивостями просторових і часових спотворень, характеризується замкнутістю і нескінченністю, множинністю утілень, у структурному плані організований системою бинарних опозицій.

Ключові слова: когнітивна лінгвістика, мовна картина світу, паремійна картина світу, концепт «Війна», хронотоп, бінарні опозиції.

The article is devoted to the analysis of space-time configurations of the concept of "War" in Russian proverbial world-image. Using examples drawn from Russian Phrase and Idiom Dictionaries the key features of military chronotope are investigated. Military chronotope is defined to be the ethno-specific representation about time-space frame of war reflected in social consciousness. The work reveals the structural (i. e., figurative) specificity of the battleground "Поле/Field", which is considered to be one of the main battle sites. In this paper a list of qualitative parameters of the wartime is compiled, and the pivotal roles of the "Враг/Enemy" and the "Воин/Warrior" along with binary "us" : "them" and "top" : "down" oppositions are identified. The author comes to the conclusion, that mythopoetic chronotope as compared to secular one, is specified by the complex of spatial and temporal distortions and structurally organized by the system of binary oppositions. Detailed investigation reveals that insularity, infiniteness, multiplicity of objectifications are all key characteristics of military chronotope.

Key words: cognitive linguistics, linguistic world-image, proverbial world-image, concept of "War", chronotope, binary oppositions.

Постановка проблеми. Одним из приоритетных направлений современной когнитивистики является изучение языковой картины мира, а также ее отдельных сегментов, особое место среди которых занимает пословицная картина мира этноса (далее – ПКМ) – мир, возникший в национальном сознании и пропущенный сквозь призму стереотипических представлений, нашед-

ших отражение в пословицах [1, с. 11]. Обобщая культурно значимую информацию и стереотипные представления народа об окружающем мире, ПКМ выступает «компрессией социально-культурного опыта народа» [2], носителем *пословицного менталитета* (термин Е.В. Ивановой) – «отраженного в пословицном фонде менталитета народа» [3, с. 49]. В условиях возрастающего

числа вооруженных конфликтов и естественного увеличения форм их вербальной объективации в последние годы (*война традиционная, диффузная, гибридная, концентриальная, мировоззренческая* и проч.), особый интерес составляет реконструкция концептосферы «Война» сквозь призму паремической картины мира с учетом комплекса исторических, социальных, психологических и этнокультурных факторов, влияющих на ее формирование. Аккумулируя опыт осознания человеком окружающего мира и своего места в нем, пословицы предоставляют бесценный материал для выявления особенностей современного осмысления феномена войны.

Анализ последних исследований и публикаций. До недавнего времени вопросами изучения паремий занимались преимущественно представители фольклорных студий, однако в настоящее время пословицы и поговорки всё чаще выступают объектами лингвистических исследований. Продуктивность обращения к малым жанрам фольклорной прозы для реконструкции этноспецифических особенностей восприятия мира демонстрируют работы М.А. Бредиса [1], Е.В. Ивановой [3], У.Б. Марчук [4], Е.Л. Калмыковой [5], Л.Б. Кацюбы [6] и др. Оригинальная комплексная, включая паремийную, методика исследования концепта представлена в пособии украинских лингвоконцептологов Т.П. Вильчинской, Н.В. Слухай, Е.С. Снитко [7].

В рамках лингвокогнитивного подхода к изучению концепта «Война» на материале пословиц и поговорок уже обращались Л. Кацюба, Е. Калмыкова, В. Крячко и др. В этих работах затрагивалась проблема экспликации понятийных признаков обозначенного концепта [5], была охарактеризована аксиологическая структура концептосферы «Война» в сопоставительном аспекте – на материале русского и английского языков [8], предпринята попытка воссоздать ассоциативно-вербальную сеть лингвокультурной оппозиции «Мир-война» [6].

Анализ русских паремий о войне (270 пословиц и поговорок, отобранных методом сплошной выборки из словарей устного народного творчества) позволяет утверждать о существовании в русской ПКМ *милитарного хронотопа* – особого представления о пространственном и временном планах войны, рефлексировавших в сознании этноса. Несмотря на многообразие лингвистических исследований, феноменология хронотопа войны в русской ПКМ до сих пор остается вне поля зрения лингвоконцептологов.

Теоретические основы изучения времени и пространства как фундаментальных категорий литературоведческого анализа были заложены в работах М.М. Бахтина, Г.Д. Гачева, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова и других. Именно поэтому хронотоп войны чаще всего изучался в контексте литературы, в частности романистики – произведений Г. Бёлля (Ю.В. Авраменко, 2011), М.А. Булгакова (В.А. Коханова, 2000), Э. Хэмингуэя (О.Е. Похаленков, 2016); малой прозы В.П. Астафьева (Е.М. Букаты, 2002), Е.И. Носова (И.Ю. Порублева, 2010), В.С. Маканина (В.Б. Волкова, 2012); военной поэзии (И.Ф. Герасимова, 2008), в том числе англоязычной (Н.В. Рабкина, 2009); и военной прозы (Л.К. Оляндэр, 1992). Перечисленные работы имеют фундаментальное значение для осуществления дальнейших научных изысканий, поскольку ориентированы на изучение индивидуально-авторской, этнической и мифопоэтической картин мира.

Недостаточное количество работ, посвященных изучению хронотопа *войны* в аспекте лингвокогнитологии, а также отсутствие анализа его специфики на материале русских паремий (пословиц и поговорок) определяют **новизну** настоящего исследования, в котором поставлена **цель** представить особенности пространственно-временной структуры концепта «Война» на материале русских пословиц и поговорок. **Объект** настоящего исследования – паремическая картина мира русского этноса; **предмет** – объективация, структура и функционирование хронотопа войны в русской паремической картине мира. Привлечение мифопоэтического ракурса в настоящем исследовании обуславливается спецификой выбранного материала: паремии как историческая проекция концепта своими корнями уходят в глубины веков, где секулярное и сакральное представляло собой единое целое.

Изложение основного материала. Хронотопом принято называть существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе [9, с. 234]. В научный обиход гуманитарного дискурса термин был введен М.М. Бахтиным в 30-х гг. XX в. для обозначения «места слияния пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом» [9, с. 235]. Следует, однако, отметить, что в мифопоэтике издревле рассматривали хаос, а также круг первотворения (райский сад) как представляющий феноменологию слитного хронотопа (подробнее см. [10, с. 20-28]).

Принято разграничивать хронотоп художественного произведения и пространственно-временной континуум физической Вселенной, известный также как «пространство Минковского» – четырехмерное пространство, соединяющее три пространственных и одно временное измерения. В текстах «усиленного типа» (определение В.Н. Топорова) – фольклорных, художественных, религиозных, философских и прочих – представлен особый пространственно-временной код, противопоставленный профанному, обыденному, абстрактному – мифопоэтический хронотоп. Характерным признаком мифопоэтического хронотопа является то, что время в нем «сгущается и становится формой пространства <...>, пространство же, напротив, «заражается» внутренне-интенсивными свойствами времени («темпорализация» пространства), втягивается в его движение, становится неотъемлемо укорененным в разворачивающемся во времени мифе, сюжете» [11, с. 232]. Существует и лингвистический взгляд на сущность хронотопа: в языкознании он рассматривается с позиции сирконстанта, который, вслед за Л. Теньером, можно определить, как «обстоятельства (время, место, способ и прочее), в которых разворачивается процесс» [12, с. 118].

Милитарный хронотоп войны в русской ПКМ представлен пространственным и временным кодами. С позиции своей пространственной организации война осмысливается как:

1) *открытое пространство*, сквозь призму которого «просвечивают полюсы, пределы, координаты мира» [13, с. 253]. Маркерами открытого пространства чаще всего выступают топорсы-хронотопы, обозначающие, соответственно, открытое пространство (*поле, сторона*) или протяженность в пространстве (*фронт*): *В поле – ни отца, ни матери, заступиться некому; В тылу и на фронте песни пойте; В которой стороне воюет, в той и горюют* и прочее. *Поле* как базовый топос милитарного хронотопа характеризуется безграничностью и бесконечностью, что грамматически выражается формой множественного числа субстантива *поле*: *На полях войны нетерпимы болтуны*. Широко представлены в паремиях пространственные образы, обозначающие однонаправленное линейное движение (*Ходить по войне; Встать на тропу войны; У нас дорога одна – партизанская война и др.*), что подтверждают тезис Г.Д. Гачева о том, что русский образ пространства представляет собой горизонтальное движение, однонаправленную бесконечность, а модель русского движения – это дорога [14, с. 117].

2) *закрытое пространство*, маркерами которого являются:

а) *локусы* – топонимы или гидронимы: *Война в Крыму, все в дыму, ничего не видно; Под Малым Ярославцем вся земля дрогнула; В гражданскую войну били белых на Дону; Кто войну замышляет, пусть про Сталинград не забывает; От бординской пушки под Москвой земля дрожала; Отогрелся в Москве, а замерз на Березине; Троянская война* и др. Географические названия в составе паремий содержат информацию не только о пространственном, но также и о временном плане войны.

в) грамматические маркеры, в частности, предлог *на*, который, согласно Грамматике-80, обнаруживает значение пространственного отношения – нахождения поверх чего-нибудь – в сочетании с винительным и предложным падежами [15, с. 709]: *На войне нет правил на все случаи; Море не без воды, на войне не без крови; И я бы шел на войну, да жаль покинуть жену* и др.

Противоречивая природа милитарного хронотопа приводит в жизнь антиномию: пространство войны замкнуто (отделено границей, локусом города и прочим), но в пределах обозначенных рубежей – безгранично. Пространство войны нельзя назвать однородным: в горизонтальной плоскости оно членится на серию все более сужающихся концентрических окружностей (подробнее см. [11]), в центре которого находится, чаще всего, поле. Именно поэтому поле изображается в паремиях как точка в безграничном пространстве, к которой ведут все дороги: *В поле съезжаются, родом не считаются*. Поле центрует горизонтальную ось сакрального пространства, выступает границей между «своим» и «чужим» мирами. Уже традиционно исследователи отождествляют поле с промежуточным миром, в пределах которого герой и его противник равны друг перед другом и перед судьбой [16, с. 301]; с культурной периферией, границей «своего» и «чужого» миров [17, с. 133]; с «чужим» миром, находящимся за границами «своего» [17, с. 135]. «Свое» обозначает личное пространство человека, где он чувствует себя защищенным, «чужое», соответственно, – все неопознанное, пугающее, угрожающее жизни. Свой, близкий, родной мир исторически связан в первую очередь с родной землей. За границами своего мира начинается мир чужих, исторически тесно связанный с миром мертвых [16, с. 301]. В русских паремиях война локализована на предельно отдаленной точке «чужого» пространства – *в чужеземной стороне* – и отделена от «своего» границей (*гора, граница, локус*

города): *Хороша война за горами; Спаси Бог от войны и чужеземной стороны; В которой стороне воюет, в той и горюет; Был не опален (Наполеон), а из Москвы вышел опален* и др. Освоение пространства войны предполагает путь от сакрального центра (дома) к неосвоенному, пугающему, «чужому» миру. При этом типе пути, как отмечает В.Н. Топоров, сакральные ценности приобретаются в максимально сложной и исполненной риска борьбе – поединке со злом, обладающим избытком силы и агрессивности; допустима только одна попытка приблизиться к сакральному центру, цена которой – поражение и смерть, либо победа и жизнь [11, с. 262]. С этой точки зрения война выполняет роль обряда инициации – ритуала, успешное преодоление которого гарантирует приобретение сакральных знаний.

Важную роль в пространственной модели хронотопа войны выполняет оппозиция «верх-низ», которая связана с мифопоэтическим представлением о мире сакральном и хтоническом, изоморфами которых выступают *правь* и *навь* – верхний и нижний миры, которые, наряду с *явью*, представляют модель вертикального членения макрокосма (модель Мирового древа). Оппозиция «верх-низ» выполняет также аксиологическую функцию – определяет систему ценностных координат человека (верх – хорошее, красивое, ценное; низ – плохое, негодное, неприятное). В русских паремиях о войне **верх** обозначает военную доблесть и превосходство над противником. Например, во фразеологизме *Подняться войной*, который употребляется в значении ‘начать враждовать с кем-либо’, лексема *подняться*, кроме семы ‘стать выше кого-либо’, актуализирует значение ‘показать свое превосходство’. Парадигма **низа**, соответственно, обозначает подчинительное положение врага: *Турки падают как чурки, а наши, слава Богу, стоят безголовы*.

Часто в паремиях о войне оппозиции «верх-низ» и «свое-чужое» изоморфны друг другу. Парадигма **низа** тесно связана с хтоническим началом – «чужим», что нашло отражение в осмыслении образа **врага**. Враг как один из представителей ирреальных миров универсума обладает следующими маркерами: 1) **деперсонифицирован**, то есть утратил человеческий облик: *Неищи в фашисте человека – не найдешь; Легче шакала превратить в голубя, чем фашиста в человека* и др. Разновидностью деперсонификации является субституция. Субститутами врага выступают животные-представители хтонического (часто подземного, «нижнего») мира – инсектициды (*вошь, паразит, паук, саранча*), пресмыкающиеся

(*змея, гад, гадюка*), хищные животные (*зверь*): *Днем и ночью громи зверей, будет победа вдвое скорей; В гражданскую войну били белых гадов на Дону; Не думал фашистский паразит, что его пуля сразит; Лежит убитая фашистская змея ядовитая; Бей фашистскую гадюку под горячую руку; Фашист – поганая вошь, скорее фашиста уничтожь; Фашист – та же саранча: куда придет – все под корень сожрет; Фашистский паук имеет сто рук. Редко – представители хтонического мира, «нежити»: Фашист и сатана – сущность одна. 2) **стремление к деструкции и уничтожению**: *Где фашисты прошли, там не поют и петухи; Где фашисты прошли, там не растет трава. 3) характерный (неприятный) запах: *Фашисты вонючие людей замучили; От фашистских гадов несет смрадом и др. 4) отсутствие моральных и этических ограничений: *Это точный слух: фашисты бьют и старух*. Поскольку враг как представитель нежити входит в семиотическую парадигму **низа**, воин как защитник культурно значимых объектов занимает, соответственно, парадигму **верха** (Ср. *Плясать – врагов топтать*).***

С пространственным кодом тесно связан временной, который обозначает членение временной оси. Блок военных паремий с темпоральным компонентом небольшой, что может быть связано с тем, что «окультуривание пространства предшествовало осознанию категории времени» [16, с. 302]. Подчеркивая исключительную роль категории пространства в русской истории, М.Н. Эпштейн предлагает ввести термин *топохрон* для обозначения «пространственно-временного континуума, культурно-исторической среды, в которой пространству принадлежит более важная роль, чем времени» [18]. Независимо от перестановки структурных компонентов термина (*хроно-топ* или *топохрон*), в паремической картине мира русского этноса категория времени занимает не менее важное место, чем категория пространства.

Темпораль войны формирует особое временное измерение, которое противопоставляется реальному прежде всего своей замкнутостью и бесконечностью (Ср.: *Остаться на войне*, т. е. погибнуть в бою). Темпораль военного хронотопа нечленима – не предполагает членения на временные отрезки: выступает просто как время, или, точнее, *военное время*. В народном сознании *военное время* – пора расплаты за причиненные обиды: *За сожженные наши хаты придет час расплаты; Роковое время* (время катаклизмов, в том числе войны). Выступая переходным этапом сакральной истории социума, военное время характеризуется

изменением устоявшегося миропорядка (*Во время войны и стены имеют уши*), а также сворачиванием устоявшихся парадигм (*В землянке – певицы, а в бою – тигрицы; В колхозе был лентяем, а в войну – полицаем*). Военному времени противопоставлено мирное время: *Во время мира не забывай об опасности войны*; оба не равноценны друг другу: *Лучше десять лет переговоров, чем год войны*. В число качественных параметров военного времени можно отнести следующие:

1. Ритуальность – начало и завершение физических действий должно быть иницировано вербальной формулой: *Объявить войну; Объявить перемирие*.

2. Отсутствие точки абсолютного начала – время начала военных действий неизвестно (грамматический маркер – конъюнктив): *Если завтра война*.

3. Изменчивость – перетекание из прошлого в настоящее нивелирует полученный опыт: *Вчерашней славой на войне не живут*.

4. Ценностная ориентация – успешное завершение войны гарантирует получение сакральных знаний: *Время золото, а на войне дорожке вдвойне; На войне намучишься и научишься*.

5. Субъективность – фактическое завершение войны не коррелирует с осознанием ее завершения конкретным субъектом (-ами): *Для фронтовиков война никогда не кончается; Война заканчивается тогда, когда похоронен последний солдат*.

Сочетаясь с лексемами фазисной семантики, лексема *война* актуализирует семантический признак 'событие', 'явление', который предполагает расчлененность на начало, середину (продолжение) и завершение: *Урожай утроить – конец войны ускорить*. Война начинается неожиданно, ее, как правило, оглашает враг (*Фашисты войну начали, а мы кончим*) или старейшины рода (*Войну объявляют старики, а умирать идут молодые*).

Если начало войны трактуется как прихоть, необоснованное желание (*Войны начинаются, когда хотят, но кончаются, когда могут*), то ее завершение связано с победой (*Войну кончаем – победой Родину увенчаем*), инвариантным символом которой выступает весна: *Мы закончили войну и почувствовали весну*. В народном сознании война является переходным этапом сакральной истории социума, она также тесно связана с обрядом инициации. Успешное завершение сражения предполагает получение сакральных знаний, поэтому с войны возвращаются либо умудренными (модель *старец: Воевал молодой, а под старость отпустили домой*), либо нравственно и духовно окрепшими: *Слабого огонь войны испепеляет, а силь-*

ного как сталь закаляет. В конечном итоге победа завершает цикл военной истории, начинает новый этап в жизни народа.

Выводы. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о существовании в русской паремической картине мира замкнутого пространственно-временного континуума войны, структурированного при помощи бинарных оппозиций «верх-низ», «свое-чужое».

Пространственный локус войны размещен на границе «своего» и «чужого» и формирует замкнутую область, которая в своих пределах безгранична. Последнее является антиномией. Традиционно война осмысливается как локус (открытое пространство) или топос (закрытое пространство), локализованный в пределах «чужого» и отделенный от «своего» границей (*гора, государственная граница, пределы города*), именно поэтому в русском народном сознании война и все, что с ней связано, также маркируется как «чужое».

Концепт «Война» в русской паремической картине мира обладает также временным измерением, которое характеризуется изменчивостью, субъективностью, способностью менять представление человека о действительности. Негативное отношение к войне формирует в мифопоэтическом хронотопе пространственно-временные искажения, а именно: размытость временной оси границы начала и завершения войны, а также сдвиг пространственных координат (локализация войны в границах исключительно «чужого» пространства).

Совокупность вышеизложенного подтверждает гипотезу о существовании в русской паремической картине мира военного хронотопа – особого представления о пространственно-временных параметрах войны, рефлексированных в этносознании народа.

Результаты проведенного исследования показывают, что заметная активизация этнофолизмов, стремительный рост массива нарративов «чужого» с началом агрессии России против Украины; ритуальность, субъективность и изменчивость «военного» дискурса, отсутствие точки абсолютного начала нынешней гибридной войны, являются закономерными явлениями, истоки которых уходят в глубины веков и находят отражение в русских паремиях.

Перспективами дальнейших исследований в этой области считаем расширение системного описания милитарного хронотопа концепта «Война», в том числе путем привлечения дискурсивного и сопоставительного анализов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Бредис М.А. Представления о денежных отношениях в пословицах (на материале русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. М., 2017. 24 с.
2. Серегина М.А. Паремнологическая картина мира: вопросы теории. *Научный прогресс на рубеже тысячелетий*. 2012. URL: http://www.rusnauka.com/16_NPRT_2012/Philologia/3_109790.doc.htm (дата обращения 20.02.2019).
3. Иванова Е.В. Мир в английских и русских пословицах: учебное пособие. Санкт-Петербург : Из-во С.-Петерб. Ун-та; Филол. Ф-т СПбГУ, 2006. 280 с.
4. Марчук У.Б. Асоціативний потенціал лінгвокультурних концептів у різносистемних мовах: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.15. Київ, 2009. 20 с.
5. Калмыкова Е.Л. Понятийные признаки концепта «Война» и их вербализация в паремиях (на материале лексикографических источников). *Вестник ЮУрГУ*. 2011. № 22. С. 100–102.
6. Кацюба Л.Б., Калмыкова Е.Л. Существование паремий с лингвокультурной оппозицией «Мир / Война» в русском языковом сознании. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2011. № 8. С. 88-91.
7. Слухай Н.В., Снитко О.С., Вільчинська Т.П. Когнітологія та концептологія в лінгвістичному висвітленні: навчальний посібник. Київ, 2011. 368 с.
8. Крячко В.Б. Концептосфера «Война» в английской и русской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Волгоград, 2007. 24 с.
9. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. Москва : Художественная литература, 1975. 504 с.
10. Слухай Н.В. Етноконцепти та міфологія східних слов'ян в аспекті лінгвокультурології. Київ : ВПЦ «Київський університет», 2005. 167 с.
11. Топоров В.Н. Пространство и текст. *Текст: семантика и структура* / Под ред. Т.В. Цивьян. Москва : Наука, 1983. С. 227-285.
12. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. Москва : Прогресс, 1988. 655 с.
13. Бахтин М.М. Эпос и Роман / Сост. С.Г. Бочаров. Санкт-Петербург : Азбука, 2000. 304 с.
14. Гачев В.Д. Национальные образы мира. М., 1988. 448 с.
15. Русская грамматика: в 2 т. / Н.Д. Арутюнова и др.; под ред. Н.Ю. Шведовой. Москва : Издательство «Наука», 1980. Т. 1. 788 с.
16. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
17. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. Москва : Международные отношения, 2009. Т. 4. 656 с.
18. Эпштейн М. Проективный словарь философии. Новые понятия и термины. № 7. Терминология времени, особенно в общественно-исторических аспектах его протекания. *Топос: литературно-философский журнал*. 2000. URL: <http://www.topos.ru/article/2031> (дата обращения: 20.02.2019).

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА:

1. Богданович И. Ф. Русские пословицы. СПб: Императорская Академия Наук, 1785. 76 с.
2. Даль В. И. Половицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч.: в 2 т. СПб-М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1879. Т. 1. 685 с.
3. Жигулев А. М. Русские народные пословицы и поговорки. М.: Московский рабочий, 1965. 360 с.
4. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус. яз., 2000. 544 с.
5. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок / Под ред. В. М. Мокиенко. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. 784 с.
6. Нарбекова А. Н. Фронтальные пословицы, поговорки, частушки и солдатские байки. М.: Вече, 2015. 208 с.
7. Пословицы и поговорки Великой Отечественной войны / Сост. П. Ф. Лебедев. М.: Военное изд-во МО СССР, 1962. 208 с.
8. Уваров Н. В. Энциклопедия народной мудрости. Пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения, сравнения. – М.: Инфра-Инженерия, 2009. 1840 с.